

ГРИГОРИЙ
АДАМОВ



ТАЙНА ДВУХ ОКЕАНОВ

ПОБЕДИТЕЛИ НЕДР



Москва
Издательство АСТ

Григорий Адамов

Григорий Борисович Адамов родился 6(18) мая 1886 года в Херсоне. Он был седьмым ребенком рабочего-деревообделочника. Семья была столь бедна, что он даже не закончил гимназию: не хватило денег на оплату обучения. Ему приходилось давать частные уроки детям из обеспеченных семей. Родители, всегда беспокоившиеся о его образовании, ожидали, что он сдаст экзамены экстерном, продолжит учебу и в конце концов станет врачом.

Но Григорий Адамов увлекся политикой. В пятнадцать лет он вступил в кружок революционной молодежи, а потом — в большевистскую партию. Хранил нелегальную литературу, занимался агитацией, выполнял различные поручения местного комитета. Перед самой сдачей экзаменов, узнав от товарищей о готовящемся аресте, он покинул Херсон.

Григория Адамова несколько раз арестовывали, ссылали в Архангельск, откуда он бежал. В Севастополе он участвовал в уничтожении документов по делу мятежных матросов броненосца «Князь Потемкин-Таврический», в агитации на кораблях Черноморского флота, за что на три года оказался в тюрьме. Освободившись, в 1911—1914 годы он работал в херсонской социал-демократической газете «Юг».

Революцию 1917 года Григорий Адамов встретил в Москве. Он работал в Наркомпроде, в Госиздате. С 1930 года стал писать профессионально, публикуясь в различных изданиях. Будучи корреспондентом газеты «За индустриализацию», много ездил по стране. В 1931 году у него вышел сборник «Соединение колонны», посвященный строителям первых пятилеток.

А в 1934 году Григорий Адамов начал писать фантастику. В ноябрьском сборнике журнала «Знание — сила» был напечатан его рассказ «Рассказ Диего». Затем вышли «Оазис солнца» и «Авария». Все три рассказа посвящены электростанциям будущего.

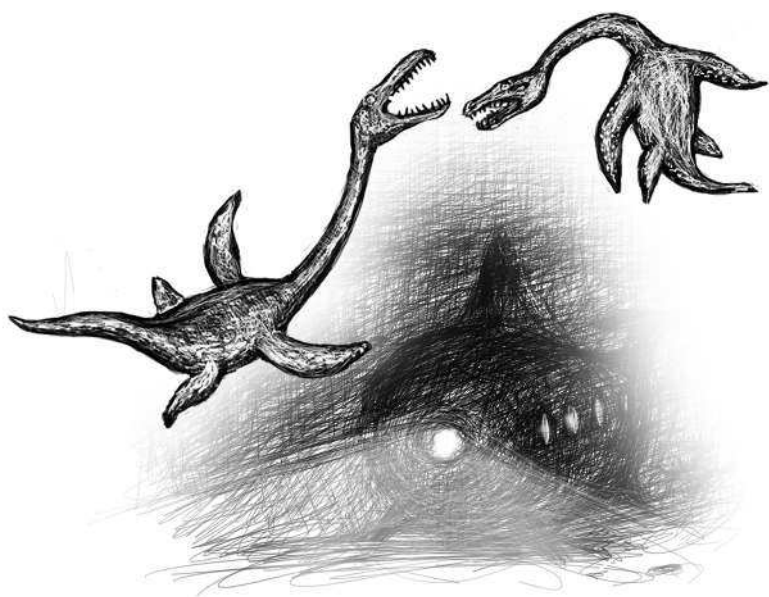
В 1937 году появилось первое большое произведение Григория Адамова — роман «Победители недр». Существует проект создания на более чем десятикилометровой глубине термоэлектростанции, работающей от тепла земли и способной дать людям неисчерпаемый источник энергии. Для передвижения под землей создан специальный снаряд, и четыре смельчака отправляются в нем в глубь планеты. Их приключения и являются основой сюжета.

В 1938 году вышла знаменитая «Тайна двух океанов». История перехода сверхсовременной подводной лодки «Пионер» из Ленинграда во Владивосток для усиления Тихоокеанского флота. В это время нависла угроза широкомасштабной войны с Японией (в июле — августе 1938 года произошли бои у озера Хасан, в мае — сентябре 1939 года — на реке Халхин-Гол), и тема борьбы с внешним и внутренним врагом оказалась очень востребована. С другой стороны, детальное описание жизни подводников и красочный рассказ об океанских глубинах нашли горячий отклик в сердцах читателей. В 1957 году по книге сняли одноименный двухсерийный кинофильм.

В 1938 году Григорий Адамов начал работу над третьим романом под названием «Изгнание владыки». Сюжет посвящен осуществлению идеи перенаправить один из рукавов Гольфстрима в сторону Арктики с тем, чтобы смягчить суровый климат Севера. Из-за начавшейся Великой Отечественной войны роман был опубликован только в 1946 году, уже после смерти автора.

Григорий Адамов был одним из самых популярных советских писателей-фантастов середины прошлого века, особенно у юных читателей: его герои были молоды, полны оптимизма и не пасовали перед опасностью, встававшей на пути их приключений. Кроме того, его романы обладали не только увлекательными сюжетами, но и значительными сведениями о тогдашних достижениях науки и техники, что делало их особенно интересными.

ТАЙНА ДВУХ ОКЕАНОВ



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Необычайный корабль

ГЛАВА I

ПРЕРВАННЫЙ РАЗГОВОР

До рассвета оставалось уже немного. Из комнаты на четырнадцатом этаже, сквозь щелку между плотными портьерами, во влажную темноту двора пробивалась слабая, едва заметная полоска света.

Маленькая настольная лампа под низким черным абажуром бросала яркий конус света на небольшой участок географической карты, разложенной на столе. Все кругом терялось в густом сумраке.

Два человека склонились над картой. Их лица были неразличимы, в полумраке мерцали лишь глаза: одни — узкие, косо поставленные, тусклые, равнодушные; другие — большие, горящие, глубоко запавшие в черноту глазниц. Смутными контурами проступали фигуры этих людей.

Сидевший у стола, небольшого роста, коренастый и сильный, с выправкой военного, поднял голову и, не снимая пальца с точки в центре Атлантического океана, спросил:

- Точные координаты Саргассовой станции неизвестны?
- Нет, капитан.
- Я вас неоднократно просил, Крок, не называть меня так.

Крок выпрямился. Он был очень высокого роста, широкий в кости, с длинными руками.

— Простите, Матвей Петрович, — проговорил он глухим голосом. — Я все забываю об этом.

ТАЙНА ДВУХ ОКЕАНОВ

— Ваша забывчивость может нам когда-нибудь очень дорого обойтись. Если вы для меня Крок, и только Крок, то и я для вас — запомните раз и навсегда! — всего лишь якут, инженер, Матвей Петрович Ивашев.

Матвей Петрович говорил очень правильным русским языком, с твердыми, ясными окончаниями слов, с той правильностью, которая легче всего выдает иностранца.

— Слушаю, Матвей Петрович. Больше этого не будет. — Слегка поклонившись, Крок продолжал: — Повторяю, координаты пока мне неизвестны. Я их узнаю лишь на месте. Думаю, что станция будет где-то здесь, в этом районе.

Он положил в ярко освещенный круг на карте широкую руку с длинными сильными пальцами и остро очиненным карандашом обвел небольшое пространство к востоку от Багамских островов.

— Ну, этого, конечно, мало. Как только точные координаты станут вам известны, сообщите их «Леди Макбет». Она укажет вам, когда следует пустить пояса. Ваши позывные — ИНА2, позывные «Леди Макбет» — ЭЦИТ.

— Слушаю, Матвей Петрович. Ей известно, что гидроплан должен будет взять меня?

— Конечно... (Кроку почудилась на лице Матвея Петровича тень любезной улыбки.) Мы не допустим, чтобы Анна Николаевна выплакала прелестные глазки по своему жениху.

Крок сдержанно поклонился, помолчал, потом нерешительно проговорил:

— Я хотел бы, Матвей Петрович, еще раз повторить наши условия; я обязан сообщить вам координаты первой длительной остановки — и больше ничего. Вы, со своей стороны, должны были добиться немедленного освобождения Анны Николаевны. Надеюсь, что теперь, после того как я согласился на эти условия, она свободна?

— Я уверен в этом... Как только мы с вами договорились, я немедленно послал радиограмму. Что же касается наших условий, то мы ждем от вас только сообщения координат длительных остановок по всему пути следования судна. — Крок вздрогнул и торопливо, с тревогой в голосе сказал:

— Как? По всему пути следования? Но ведь речь шла только о первой станции! И после первого же моего сообщения меня должен

был взять гидроплан с «Леди Макбет». Я не понимаю, Матвей Петрович... Вы ставите теперь новые условия. Мы об этом не говорили.

— Ну, Крок, разве это так уж важно? Главный штаб внес это незначительное изменение, предусматривая различные случайности, которые могут помешать нам использовать ваше первое сообщение. Стоит ли из-за этого спорить? Единственным неприятным последствием для вас может явиться лишь отсрочка на несколько дней перехода на наше судно.

— Нет, нет, Матвей Петрович! — взволнованно возразил Крок. — Выходит, что я должен систематически информировать вас. Это не то... Это слишком...

— Какая разница, дорогой Крок? — пренебрежительно усмехнулся Матвей Петрович. — Один раз или два-три раза. По существу, это ведь одно и то же. Впрочем, если это вас не устраивает, у меня есть еще время сообщить главному штабу о вашем отказе. Анна Николаевна, вероятно, с горьким недоумением примет свое возвращение в только что оставленную ею неуютную обстановку...

Большими шагами Крок несколько раз прошелся по комнате, нервно потирая рукой бритый подбородок. Наконец он остановился у стола и хрипло сказал:

— Матвей Петрович, я не возражаю. Но я хочу быть уверенным. Вы должны мне дать слово дворянина... слово самурая, что с этого момента Анна Николаевна совершенно исключается из игры и что при всех обстоятельствах я буду снят с судна до его прибытия в конечный пункт.

— Крок! Вы можете не сомневаться, что ваши желания будут исполнены в точности. Даю вам слово! Кстати, Крок, когда вы должны закончить свой рейс? Вы понимаете, насколько нам необходимо это знать в связи с вашим вторым требованием?

Крок молчал, опустив голову. Полоска света упала на его высокий лоб; мелкие капельки пота сверкали на нем. Крок достал платок и вытер пот, тяжело дыша и продолжая молчать.

— Ну? — настаивал Матвей Петрович, не дождавшись ответа. — Чего вы стесняетесь? Как мы сможем подготовить ваш переход на наш корабль, не зная сколько времени в нашем распоряжении?

— Я не знаю, — глухо ответил Крок, не поднимая головы и опускаясь на стул по другую сторону стола.

— Этого не может быть! — резко возразил Матвей Петрович, ударив ладонью по карте. — Вы требуете от меня обязательств, не давая мне возможности выполнить их! Это нелогично. И, наконец, какая разница между информацией о координатах и информацией о сроке прибытия? Почему вы первую можете давать, а от второй отказываетесь? Типичная противоречивость широкой славянской души.

Матвей Петрович с досадой откинулся на спинку стула, перекинул ногу на ногу и забарабанил пальцами по столу.

— Перестаньте жеманничать и ломаться, Крок! — решительно продолжал он после минутного молчания. — Я должен знать срок. Если вы не скажете, то наше соглашение аннулируется. И не только соглашение. Мы больше не будем заинтересованы в вашем благополучии. Не забывайте, что все ваши расписки старик Абросимов передал в наше распоряжение. И ваша записка ко мне тоже в надежной сохранности... Ну! — досадливо и с нетерпением закончил Матвей Петрович. — Срок! Срок! Стоит ли ссориться друзьям из-за такого пустяка!

Крок порывисто встал со стула, быстро прошелся два раза по комнате и, резко остановившись у стола, запинаясь, произнес:

— Хорошо... Но я не уверен... Я слышал, что срок назначен на двадцать третье августа...

Словно от удара электрического тока, Матвей Петрович привскочил и тут же медленно опустился на стул. Коричнево-желтое лицо его окаменело, глаза спрятались под опущенными раскосыми веками.

— Вот как! — пробормотал он, видимо с трудом подавляя волнение. — Двадцать третье августа? Это... это очень интересно...

Помолчав, он продолжал уже спокойнее:

— Теперь все ясно, любезный Крок. Конечно, до двадцать третьего августа мы успеем снять вас с судна. «Леди Макбет» или другой наш корабль даст вам своевременно знать об этом... — И, словно забыв о присутствии Крока, устремив глаза в пространство, он медленно и задумчиво повторил: — Двадцать третьего августа... Что это? Случайность?.. Или им стало известно?..

Наконец Матвей Петрович встряхнулся, взял карандаш и, поиграв им, переменил разговор:



— Что вы думаете, Крок, делать, когда приедете к нам? Ведь вы будете богатым человеком... — И, сдержанно улыбнувшись, добавил: — Обладателем прекрасной жены... и не менее почтенного тестя.

— Не знаю еще, Матвей Петрович, — глухо и неохотно ответил Крок. — Может быть, уеду в Америку. Меня неоднократно приглашали туда на работу.

— О Крок! — обиженно сказал Матвей Петрович. — Если вы намерены продолжать работать, неужели вы думаете, что вас, талантливое инженера, специалиста по реактивным двигателям, недостаточно оценят в моей стране? Я надеюсь, когда вы поживете у нас, вы перемените свое мнение и свои намерения... Ну-с, а теперь вернемся к делу. — Матвей Петрович наклонился над картой и продолжал: — В следующем, самом удобном пункте — Гибралтаре — вас будет поджидать...

Внезапно, не закончив фразы, он поднял голову и прислушался. Встревоженный Крок повернул лицо к дверям и замер на месте. В наступившей мертвой тишине донеслись отдаленные, чуть слышные шорох и движение.

Матвей Петрович мягко, неслышно, как кошка, вскочил со стула.

— Внимание! — прошептал он. — Все документы и бумаги о походе — на стол!

Он выхватил из бокового кармана несколько тонких бумажек с рядами цифр, чертежами, рисунками и швырнул все это на стол. Потом, бросившись в один из углов комнаты, быстро, но тихо выдвинул из высокой шифоньерки ящик, сгреб в горсть все его содержимое и тоже бросил на стол.

Крок в это время дрожащими руками шарил в своих карманах, доставая оттуда бумажки. Его движения совсем не были похожи на быстрые, четкие, уверенные движения Матвея Петровича. Крок беспорядочно хлопал себя по карманам, хватал со стола то одну, то другую бумагу, пробегал ее глазами, совал обратно в карман и через мгновение вновь выхватывал оттуда, чтобы опять положить на стол.

— Вы уверены, что это... что это... к нам? — спросил он глухим, прерывающимся шепотом.



— Да! — коротко бросил Матвей Петрович и, нагнувшись, вытащил из-под кровати большой эмалированный таз.

В передней послышался короткий звонок. Крок пошатнулся и оперся рукой о стул. Даже сквозь полумрак комнаты можно было различить, как побледнело его лицо.

— Бросайте все эти бумаги в таз! — приказал Матвей Петрович.

Крок почувствовал, что его руки сразу сделались вялыми и непослушными. Он захватил бумаги со стола и побежал с ними к тазу. Несколько бумажек, трепеща и колыхаясь, упали на пол.

— Вы с ума сошли! — прошипел Матвей Петрович, подбирая бумажки. — Вы нас погубите!

Раздался второй, длительный и резкий, звонок.

— Подоignite бумаги и скорее надевайте плащ!

Матвей Петрович, обнаруживая неожиданную силу, начал придвигать к дверям тяжелый книжный шкаф. Из передней послышался гулкий удар, другой, и потом треск дерева. Спички ломались, вспыхивали и тухли в дрожащих руках Крока.

— Проклятие! — выругался Матвей Петрович. — Вы всегда будете таким трусом? Давайте спички! Наденьте плащ — и в окно! Живо!

Шкаф уже стоял у дверей, когда передняя наполнилась сдержанным шумом и топотом ног. Послышался повелительный голос:

— Ивашев, откройте! Мы знаем, что вы здесь!

В углу комнаты вспыхнуло яркое пламя и на мгновение осветило сутуловатую фигуру Крока, закутанную в черный широкий и длинный, до пят, плащ, и плотную, коренастую фигуру Матвея Петровича.

Матвей Петрович одним прыжком очутился у стола, потушил лампу и толкнул Крока к окну.

— Ваша жизнь теперь дороже моей, — прошептал он, вкладывая ему в руку шнур с петлей. — С вашей жизнью связан успех всего дела, победа или поражение моей родины. Спасайтесь! Я их задержу здесь, сколько смогу, и последую за вами. Прыгайте и сейчас же дерните за петлю!

Он раздвинул тяжелые портьеры и открыл окно. В лицо пахнуло влажной свежестью, мелкие брызги покрыли подоконник. Вдали, из черноты ночи, сквозь дождь и водяную пыль, пробивались

редкие, окруженные оранжевым ореолом огни окраинных улиц Ленинграда.

Дверь, удерживаемая тяжелым шкафом, уже трещала под натиском.

Крок стоял на подоконнике, переминаясь с ноги на ногу и судорожно вцепившись одной рукой в раму окна. Под ним чернела пропасть в четырнадцать этажей.

— Да прыгайте же, черт вас возьми! — почти задохнувшись от ярости, прорычал Матвей Петрович и, рванув Крока за руку, изо всей силы толкнул его во тьму.

Со сдавленным криком Крок полетел вниз, и сейчас же что-то хлопнуло, как пробка, вылетающая из бутылки с шампанским.

Матвей Петрович выглянул из окна, прислушался, кивнул головой и резко повернулся к дверям. В слабом свете замирающего бумажного костра он заметил, как шкаф угрожающе качнулся под напором из передней. Поворошив на бегу бумажную кучку в тазу, Матвей Петрович кинулся к баррикаде.

В то же мгновение мощный удар сорвал двери с петель и опрокинул высокий, тяжелый шкаф. Грохот, треск, звон разбитых стекол заполнили комнату. Через сорванные двери по упавшему шкафу вбежали люди. Вспыхнувшие лампы осветили рассыпанные по полу книги и осколки стекла, среди которых неподвижно лежал на полу, наполовину придавленный шкафом, Матвей Петрович. Кровь из разбитой головы залила его лицо, руки были раскинуты.

— Ерофеев и Петров, освободите раненого! — послышалась команда.— Максимов! Вызвать медкарету! Коваленко, ко мне! Помогите тушить огонь! Сорвите портьеру!

Молодой командир, со знаками различия лейтенанта государственной безопасности, подбежал к тазу. Выхватив из рук Коваленко портьеру, он набросил ее на горевшие бумаги.

— Придержите портьеру, пока совсем не потухнет,— обратился он к своему помощнику.— Не прижимайте бумаг, чтобы не испортить золу...

Лейтенант повернулся к раненому, который лежал уже на широком кожаном диване. Ерофеев и Петров смывали кровь с его головы. Через минуту послышался легкий стон. Матвей Петрович открыл

глаза, и первое, что он увидел, был молодой командир, склонившийся над ним и пристально всматривавшийся в его лицо.

— Здравствуйте, капитан Маэда... Как вы себя чувствуете?

Матвей Петрович приподнял голову, быстро оглядел комнату и, закрыв глаза, откинулся на подушку.

— Я протестую... против этого дикого нападения... Требую немедленно доставить меня в консульство,— проговорил он слабым голосом.

— Квартира советского подданного инженера Ивашева, насколько мне известно, не пользуется правами экстерриториальности,— улыбнувшись, ответил лейтенант.— Вам следовало открыть двери и назвать себя, капитан. Может быть, мы сумели бы тогда сделать церемонию нашего знакомства менее болезненной.

Матвей Петрович ничего не ответил и продолжал неподвижно лежать с закрытыми глазами.

— Кажется, потерял сознание,— заметил Ерофеев.

В комнату вошел Максимов.

— Медкарета через десять минут прибудет, товарищ лейтенант,— доложил он.

— Отлично! Они его приведут в чувство, а пока сделайте ему первую перевязку. Потом займитесь обыском в этой комнате. Ерофеев, Петров и Коваленко — в остальных. Сергеев останется со мной. Все найденные бумаги — сюда, на стол. Делать все максимально внимательно и быстро!

Он повернулся к углу. Укрытый портьерой таз совершенно перестал дымить. Глаза лейтенанта внезапно остановились на шевелившихся от ветра портьерах другого окна. Он быстро бросился туда:

— Сергеев, это вы раскрыли окно?

— Нет, товарищ лейтенант. Оно, вероятно, было и раньше раскрыто.

Подбежав к окну, лейтенант резким движением раздвинул портьеры и выглянул наружу. Внизу, в плотной черноте, не видно было земли.

Лейтенант захлопнул окно:

— Сергеев, лампу сюда!

Под ярким светом настольной лампы лейтенант через сильную лупу сантиметр за сантиметром внимательно изучал подоконник.



— Здесь кто-то стоял... совсем недавно... Дождь даже не успел смыть следа, — тихо проговорил лейтенант.

Перочинным ножом он осторожно снял с подоконника крохотную лепешку, черную и тонкую, не больше десятикопеечной монеты, и переложил ее на ладонь.

— Табак... зола... земля... — Понюхав и секунду подумав, добавил: — Из окурка, приставшего к каблуку или подошве.

— Ясно, товарищ лейтенант, — сказал Сергеев, светя лампой, — кто-то тут определенно стоял.

— Да, но кто именно? — задумчиво спросил лейтенант. Он опять стал осматривать подоконник через лупу.

— Здесь стоял человек... — все с большим убеждением и пристально всматриваясь в подоконник, тихо говорил лейтенант, — здесь стоял человек очень высокого роста, с очень большими ногами... Но кто же он? И куда девался? Неужели по веревке спустился с четырнадцатого этажа? Это немыслимо!

Лейтенант опять раскрыл окно и через лупу начал рассматривать наружный карниз. Никаких следов, царапин, повреждений на нем не было.

— Сергеев, спуститесь с Максимовым и осмотрите двор внизу, под этим окном.

Лейтенант вынул записную книжку, вырвал листок, завернул в него тонкую спрессованную лепешку из земли и табака и положил пакетик в книжку. Покончив с этим, лейтенант принялся за таз. Сняв портьеру, он увидел под ней грудку полуобгоревших бумаг, записок, книжек, фотоснимков. Лейтенант осторожно вынимал все уцелевшие пепельные листочки и, внимательно просматривая их, раскладывал на столе, на географической карте.

Кружок, очерченный карандашом восточнее Багамских островов в Саргассовом море, привлек его внимание. Задумавшись на минуту, он взял один из полуобгоревших листков. На нем видны были обрывки записей географических широт и долгот — градусы, минуты, секунды. Лейтенант углубился в изучение листка.

Внезапно он уронил его на стол, резко повернулся и вскочил. В следующее мгновение два тела, свившись в клубок, покатались на пол. Возле них, коротко звякнув, упал финский нож.

ТАЙНА ДВУХ ОКЕАНОВ





Еще через минуту капитан Маэда лежал со стянутыми за спиной руками.

Лейтенант позвал Ерофеева. Вдвоем они перенесли капитана на диван.

Возможно, что на этот раз японец действительно потерял сознание.

Вернулись Сергеев и Максимов. Они принесли большой черный плащ, застегнутый на многочисленные пуговицы. Множество тонких упругих и длинных — от воротника до низа — прутьев образовывало как бы внутренний каркас огромного зонтика. К нижним концам этих прутьев были прикреплены крепкие шелковые шнуры, которые сходились на внутреннем кольце, сделанном из широкого шелковой пояса.

— Где вы это нашли? — спросил лейтенант, с недоумением рассматривая странную находку.

— Как раз под этим окном, товарищ лейтенант, — ответил Сергеев. — Оно висело на дереве. Запуталось в ветвях.

— Теперь все понятно, — сказал лейтенант. — Это портативный парашют. С его помощью скрылся из этой комнаты второй — может быть, самый опасный преступник.

С улицы донесся громкий вой сирены: пришла медкарета. Капитана Маэду в сопровождении Ерофеева и Коваленко отправили в тюремную больницу.

Лейтенант и оставшиеся бойцы продолжали тщательный обыск.

ГЛАВА II

ПОДВОДНЫЕ ВСТРЕЧИ

Бой подходил к концу. Каракатица теряла силы. Уцепившись двумя руками за тонкий выступ скалы, она пыталась остальными восемью обвить скользкое, змеиное тело мурены. Обычно серая с зелеными полосками и пятнами окраска каракатицы, так хорошо скрывавшая ее на фоне покрытой водорослями скалы, теперь, в разгар битвы, непрерывно